ШЕВЧЕНКО Ярослав Николаевич

Выпускник бакалавриата «Международные отношения» Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)
Электронная почта: yarik.27@mail.ru

Роль образовательных обменов в инструментарии российской публичной дипломатии

УДК 327

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/67-79

В статье исследуется роль образовательных обменов в инструментарии российской публичной дипломатии, которые, по мнению автора, могут стать эффективным средством повышения «мягкой силы» России на международной арене. Дана оценка сильных и слабых сторон российского образовательного бренда. Предпринята попытка на примере опыта ДВФУ оценить особенности использования международных образовательных обменов в контексте публичной дипломатии. Делается вывод, что сегодня образовательные обмены используются Россией, скорее, из коммерческих и имиджевых соображений, нежели политических.

публичная дипломатия,
мягкая сила,
внешняя политика
России,
образовательные
обмены,
ДВФУ

Под публичной дипломатией в современной науке и практике понимается инструмент реализации внешней политики государства через влияние на зарубежную аудиторию посредством прямого взаимодействия с ней [20]. Термин в наиболее близком к сегодняшнему пониманию контексте был введен деканом Школы права и дипломатии им. Флетчера при Университете Тафтса, Эдмундом Галлионом в 1965 г. – в самый разгар Холодной войны [6]. В те годы понятие «публичной дипломатии» использовалось как синоним термину «пропаганда» с целью сгладить негативную коннотацию, присущую этому слову.

С началом 90-х гг. концепция «публичной дипломатии» получила обновлённое и более глубокое прочтение благодаря Дж. Наю, который выразил мнение, что потенциал так называемой «мягкой силы» – возможность добиваться достижения внешнеполитических целей через создание привлекательного образа, может быть эффективно реализован через публичную дипломатию посредством объяснения политики государства массовой аудитории [20].

Интересным, но сравнительно малоизвестным фактом является то, что задолго до Наю в более циничном ключе об этом также рассуждал и Ганс Моргентау в своей классической работе «Международная политика» [21], называя то, что сегодня известно под терминами «мягкая сила» и «публичная дипломатия» культурным империализмом. Так классик метко заметил, что, несмотря на вторичность «культурного империализма» перед «военным» и «экономическим», построение долгосрочных и устойчивых отношений господства в международной политике невозможно без первого: «Культурный

Для цитирования:
Шевченко Я. Н. Роль образовательных обменов в инструментарии российской публичной дипломатии // Известия Восточного института. 2019. № 2. С. 67–79.
doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/67-79

империализм подготавливает почву для военного завоевания и экономического проникновения, размягчая врага» [21].

Традиционно публичную дипломатию рассматривают в трёх измерениях [6]:

1) *информационно-разъяснительная работа*, под которой подразумевают систематичное освещение политики в СМИ, осуществление пропаганды и стратегической коммуникации.

2) *цифровая дипломатия* – реализация пропаганды через Интернет, проведение мониторинга зарубежной блогосферы, деятельность личных аккаунтов политических лидеров в социальных сетях, передача политических технологий.

3) *образовательные и культурные обмены* – осуществление прямого контакта с зарубежной аудиторией посредством академического обмена, программ по подготовке лидеров и будущей элиты.

Целевой аудиторией программ публичной дипломатии обычно являются:

- ◆ элиты и лидеры (в т. ч. потенциальные);
- ◆ экспертно-академическое сообщество;
- ◆ опинион-мейкеры;
- ◆ молодёжь;

Фундаментальные цели, которые стоят перед публичной дипломатией, представляют собой:

- ◆ улучшение общего имиджа государства и формирование благоприятного общественного мнения;
- ◆ генерирование и поддержание лояльности в отношении государства среди наиболее влиятельных кругов с целью потенциального влияния на процесс принятия политических решений;
- ◆ обеспечение правильного понимания политического курса, убеждение аудитории в правильности подходов, используемых государством [6].

Эффективность публичной дипломатии определяется следующими факторами:

- ◆ общая привлекательность государства-субъекта публичной дипломатии (эффективное правительство, благоприятная экономическая конъюнктура, низкая преступность и т. д.);
- ◆ наличие общности институтов, норм или ценностей между объектом и субъектом;
- ◆ наличие «диалоговой площадки» (в идеале, институализированные и регулярные проекты).

Важно понимать разницу между понятиями «публичная дипломатия» и «общественная дипломатия». Нередко в России в силу двойственности перевода термина «public diplomacy» на русский язык эти концепты отождествляются, в том числе на высоком политическом уровне. Действительно, программы общественной дипломатии могут получать спонсирование со стороны государственных ведомств, но это не даёт оснований считать эти понятия эквивалентными [1]. Публичная дипломатия в той или иной мере институализирована, всегда проводится в политических целях, поддерживается и направляется государством. Общественная же дипломатия подразумевает под собой разного рода гражданскую активность на международном уровне в области культуры, науки и образования без прямых политических целей.

В России восприятие публичной дипломатии тесно взаимосвязано с понятием «мягкой силы» и зачастую эти концепты отождествляются. Так, в 2012 г. Владимир Путин в предвыборной программной статье выразил своё видение мягкой силы, как «комплекса инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счёт информационных и других рычагов воздействия» [11], что гораздо более близко к классическому пониманию публичной дипломатии, нежели концепции «мягкой силы» Дж. Ная [22].

О необходимости использования же ресурса публичной дипломатии кратко говорилось в майском указе о реализации внешнеполитического курса от 2012 г. Более подробно толкование публичной дипломатии даётся в Концепции внешней политики РФ от 2013 г.: «В рамках публичной дипломатии Россия будет добиваться объективного восприятия ее в мире, развивать собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, обеспечивать усиление позиций российских средств массовой информации» [4].

Тем не менее, в Концепции от 2016 г. понятие «публичной дипломатии» не упоминается, однако «информационная работа» выделена в отдельное направление, а «доведение объективной информации о позиции России» определяется как один из важных факторов внешней политики [5]. При этом все остальные направления классической публичной дипломатии отведены на второй план и упоминаются лишь в контексте «общественной дипломатии» [5].

На сегодня Россия не имеет цельной и чётко выстроенной системы публичной дипломатии, в отличие, например, от общепризнанного лидера в этой области – США, где публичная дипломатия курируется на уровне заместителя государственного секретаря, или Индии, в рамках системы МИД которой хотя бы существует «отдел публичной дипломатии».

Не имея общей концепции и устойчивых внутренних связей между собой, в РФ публичной дипломатией занимаются отдельные государственные ведомства и институты [1]:

- ♦ *Президент РФ*, определяя внешнеполитический курс России, на стратегическом уровне формирует линию публичной дипломатии.
- ♦ *Администрация Президента* фактически участвует в реализации и координации вопросов, связанных с публичной дипломатией.
- ♦ *МИД России* официально отвечает за работу с зарубежной аудиторией по линии посольств и консульств, Департамента информации и печати, Департамента по работе с соотечественниками за рубежом и Россотрудничества.
- ♦ *Министерство науки и высшего образования* реализует международные образовательные обмены на территории РФ.
- ♦ *Система национальных информационных агентств и каналов* осуществляют информационно-разъяснительную деятельность и пропаганду в отношении зарубежной аудитории.
- ♦ *Неправительственные организации*, созданные при содействии государства, аналитические институты.
- ♦ *Ведущие университеты страны*.

Негативным фактором, работающим против повышения эффективности российской публичной дипломатии, является отсутствие системы подготовки профессионалов в этой области. Так, даже в

МГИМО (У) нет полноценных образовательных программ бакалавриата и магистратуры в области подготовки кадров для работы в сфере публичной дипломатии: из наиболее близких – программа в области стратегических коммуникаций. В лучшем случае публичная дипломатия в России на факультетах международных отношений или политологии может изучаться в качестве отдельного курса.

Образовательные обмены и публичная дипломатия

Дж. Най выделяет использование международных образовательных обменов как одно из базовых измерений публичной дипломатии [8].

Термин «международные образовательные обмены» несмотря на широкую употребимость, не имеет единого определения. В узком смысле под ним подразумевают академическую мобильность студентов, преподавателей и исследователей, приезжающих за рубеж для образовательных целей. Однако вместе с этим существуют культурные обмены, краткосрочные образовательные программы и т. д. [3]. Таким образом, к международным обменам в широком смысле может относиться спектр краткосрочных мероприятий: от сетевых образовательных программ в партнёрстве с зарубежным вузом и программ для старшеклассников типа «FLEX» до ежегодных ознакомительных визитов в штаб-квартиру НАТО. Однако во избежание терминологической путаницы под понятием «международные образовательные обмены» далее в тексте будут иметься ввиду лишь обмены академического характера – связанные с деятельностью вузов.

Исследователи «мягкой силы» придают международным образовательным обменам особое место в инструментарии публичной дипломатии. Основные причины этого таковы:

- ♦ возможность имплицитно информировать о политических особенностях государства в нужной интерпретации;
- ♦ формирование социальных связей с жителями страны-пребывания способствует выработке политической лояльности;
- ♦ молодёжь как основной участник наиболее подвержена влиянию.

При этом получение вышеперечисленных политических дивидендов может быть гарантировано только при учёте следующих факторов [16]:

- ♦ принимающее государство должно обладать базовой привлекательностью;
- ♦ образовательные возможности принимающей страны должны быть полезными для целевой аудитории с утилитарной точки зрения;
- ♦ участники образовательных обменов должны иметь лидерский потенциал и возможность стать частью элиты своей страны;
- ♦ после окончания обмена между участниками и государством-организатором должны поддерживаться устойчивые связи;
- ♦ обменные программы как элемент публичной дипломатии должны использоваться систематически и быть институализированы.

Образовательные обмены традиционно использовались и продолжают использоваться в качестве ключевого инструмента внешней политики великих держав. Нельзя сказать, что нынешние российские программы международных академических обменов представляют собой глубоко институализированные мероприятия со строго отби-

раемой целевой аудиторией и ясно поставленными политическими целями.

Администрирование обменных программ находится в ведении Министерства высшего образования и науки РФ, которое было в 2018 г. выделено из Министерства образования и науки, и Россотрудничества (автономного федерального агентства, подведомственного МИД). Эти организации контролируют соблюдение соответствующих законодательных норм, регламентирующих международные обмены, а также взаимодействуют с организациями-спонсорами, вузами и иными учреждениями, которые занимаются непосредственной реализацией обменных программ.

С относительно недавних лет инициативы на международно-образовательном направлении стали курироваться МИД России. Так, Министерство в 2010 г. разработало «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества», где отмечается, что нужно добиваться более активного включения России в сеть мировых образовательных услуг, а также «осуществлять системную работу с выпускниками российских вузов, значительная часть которых составляет интеллектуальную и политическую элиту зарубежных государств и может способствовать формированию их дружественных отношений с Россией» [9].

В 2016/17 учебном году в университетах России проходили обучение 269 тысяч иностранных граждан или 6% от всех иностранцев [17], обучающихся за рубежом, что ставит Россию лишь на шестое место среди стран по этому показателю в отличие от СССР, который в лучшие годы занимал второе место после США по числу учащихся из-за рубежа [7]. Безусловно, бюджет, выделяемый на внешнеполитическую деятельность, в США несопоставим с бюджетом, выделяемым на деятельность МИД России и Министерства высшего образования и науки. Тем не менее это не отменяет факта, что при позиционировании Россией себя как великой державы столь заметное отставание в долевым отношении от лидеров в этой области – США (25%) и Китая (10%) является колоссальным упущением в плане возможности повышения эффективности российской публичной дипломатии.

Российское образование имеет некоторые преимущества. Одно из главных – это сравнительно низкие, по мировым меркам, цены на программы. Так, средняя стоимость обучения в российских вузах в 2017 г. составила 136 333 рубля (\$ 2097). Многие иностранные абитуриенты (около 65% от общего числа иностранцев) выбирают обучение на коммерческой основе [13].

В Россию в основном приезжают получать высшее образование студенты из развивающихся стран и государств-членов СНГ. На образовательных рынках этих стран российские университеты остаются сравнительно конкурентоспособными в фундаментальных направлениях знания, получивших развитие ещё в советские времена (математика, физика, биология, медицина) [13]. Тем не менее лишь один российский университет (МГУ им. Ломоносова) входит в 100 лучших университетов мира, согласно рейтингу QS. Для сравнения, США имеют более двадцати университетов в топ-100 QS, а КНР – десять (с учетом вузов Гонконга) [12].

По статистике у иностранцев, приезжающих в Россию в образовательных целях, наиболее востребованы инженерно-технические специальности (22,5% абитуриентов в 2016/17 учебном году), на втором месте стоят специальности медицинского профиля (20%), третьими идут направления по экономике (17%), и лишь на четвёртом и пятом месте следуют соответственно социально-гуманитарные специальности (12%) и изучение русского языка (10%) [13].

На настоящий момент лишь немногие вузы (в своём большинстве столичные) обладают способностью подготовки специалистов общественно-гуманитарного и экономического профиля, которые после выпуска могли бы выдержать конкуренцию на мировом уровне, а в контексте публичной дипломатии именно образовательные обмены в этой сфере способны принести наиболее ценные политические дивиденды. В результате международные обмены в регионах значительно теряют свой политический эффект.

ДВФУ как проводник публичной дипломатии

Дальневосточный федеральный университет является крупнейшим научно-образовательным центром на российском Дальнем Востоке. Руководство РФ ставит перед университетом амбициозные цели, в том числе и в области международного сотрудничества. ДВФУ обладает рядом преимуществ, которые объективно усиливают его международную конкурентоспособность:

- ♦ уникальное географическое расположение, позволяющее университету выступать поставщиком образовательных услуг в АТР;
- ♦ налаженные академические связи с ведущими университетами АТР (246 официальных партнеров по состоянию на 2019 г.);
- ♦ инфраструктура университетского кампуса мирового уровня.

По состоянию на 2018/19 учебный год в ДВФУ обучается более 3500 иностранных студентов из 74 государств мира – 60% из них составляют граждане стран АТР, что соотносится с позиционированием ДВФУ в качестве форпоста российского образования в регионе [10]. Дальневосточный федеральный университет входит в десятку вузов с наибольшим количеством иностранных студентов, уступая лишь крупнейшим столичным вузам: РУДН, МГИМО (У) и СПбГУ, а также Казанскому и Уральскому федеральным университетам.

Лидерами среди образовательных направлений по количеству обучающихся иностранцев являются «Лечебное дело», «Нефтегазовое дело», «Экономика», отчасти «Международные отношения» и «Русский язык как иностранный». Наиболее заметная часть иностранных студентов представлена китайцами (около 700), также большое число составляют студенты из Индии, Узбекистана и Колумбии.

В 2019/20 учебном году планируется запустить 14 англоязычных магистерских программ по широкому спектру специальностей, начиная с международных отношений и заканчивая биомедициной, что является достаточно солидным шагом на пути к интернационализации вуза. Тем не менее нельзя сказать, что всем из них суждено быть успешными среди иностранных абитуриентов. Многие англоязычные специальности в ДВФУ сталкиваются с колоссальным недобором иностранных студентов, в результате чего приходится восполнять их число русскими либо прекращать набор. На 2018/19 учебный год реально функционировали лишь четыре англоязычные магистер-

ские программы: «Международные отношения», «Менеджмент», «Гостиничное дело» и «Строительство гидротехнических сооружений».

Помимо прочего, важно отметить, что на общеуниверситетском уровне сохраняется достаточно низкий уровень владения английским языком: на операционном уровне им владеет лишь большинство персонала профильных подразделений, отвечающих за взаимодействие с иностранцами, а также преимущественно преподаватели, работающие в Восточном Институте – Школе региональных и международных исследований (ВИ–ШРМИ), что является недостаточным и значительно затрудняет жизнь обучающимся иностранцам.

ДВФУ старается последовательно работать над повышением своих позиций посредством расширения представленности в мировых образовательных рейтингах: в 2019 г. университет занял 531-540 место в QS и вошёл в тысячу лучших вузов Евразии по версии рейтинга ТНЕ. Тем не менее эти позиции нельзя назвать впечатляющими: среди отечественных вузов, вошедших в эти рейтинги, ДВФУ на сегодня располагается ближе к концу (19 и 25 позиции соответственно) и пока вовсе не представлен в предметных рейтингах [12].

Несмотря на то что шаги по повышению международной привлекательности ДВФУ достаточно последовательно предпринимаются уже в течение нескольких лет, пока трудно говорить о том, что система международных образовательных обменов сформировалась в качестве полноценного проводника российской публичной дипломатии. Анализ деятельности в этом контексте показывает, что, несмотря на амбициозность установок, за исключением продвижения русского языка и культуры в АТР, руководство вуза и Министерство высшего образования и науки пока не ставят перед университетом конкретных целей, резонирующих с получением политического эффекта.

Ввиду того, что образовательные обмены преимущественно рассматриваются как источник коммерческой прибыли и способ повышения позиций в международных рейтингах, в вузе сохраняется устойчивый тренд на массовизацию образования, а не элитизацию. Примером этого может служить то, что до 2018/19 учебного года был установлен достаточно низкий пороговый уровень английского языка для приёма на англоязычные программы магистратуры – 5.5 по классификации IELTS (Intermediate), со 2019/20 учебного года – 6.0 [19]. Для сравнения, в большинство региональных вузов КНР проходным уровнем является 6.5 по классификации IELTS.

В учебных планах большинства международных образовательных программах (МОП), также в отличие от устоявшейся американской или китайской практики, отсутствуют курсы, даже косвенно предполагающие преподавание иностранным студентам российской специфики, объяснение политического курса или даже изучение базовых основ русского языка. Исключением из этого являются лишь магистерские программы по «Предпринимательскому и инвестиционному праву России» в Юридической школе (ЮШ) и «Международным отношениям» в ВИ–ШРМИ. Так, основной целью программы юридического направления является формирование представлений о законодательных нормах, регулирующих ведение бизнеса и инвестиционной деятельности в России, и объяснение национальной бизнес-специфики. Целевой аудиторией программы обозначены юристы и предпри-

ниматели из стран АТР, преимущественно КНР и Южной Кореи [24]. В 2018/19 учебном году реализация программы была приостановлена на неопределённый срок. Тем не менее, с точки зрения публичной дипломатии, у нее есть значительный потенциал.

Программа по международным отношениям является одной из наиболее стабильно и сравнительно эффективно функционирующих МОП в ДВФУ. С формальной точки зрения, главной целью программы является формирование понимания особенностей политического курса РФ в АТР. Однако абсолютное большинство курсов, предусмотренных к преподаванию на этой образовательной программе, посвящены международным отношениям в АТР, в то время как российской внешней политике уделено лишь два отдельных курса (из 31 заявленного) [23]. Также полностью отсутствуют курсы, связанные с преподаванием особенностей российской политической системы, истории и внешней политики в более детальном рассмотрении. Тем не менее при соответствующей доработке в будущем программа также обладает значительным потенциалом для создания политического эффекта, ввиду того что некоторые выпускники после завершения обучения находят работу по специальности в своих странах.

Для того чтобы делать полноценные выводы о степени эффективности международных образовательных обменов ДВФУ, с точки зрения оказания политического эффекта на студентов, необходимо разработка количественной системы оценивания и проведение социологического исследования в масштабах всего университета, что представилось невозможным ввиду недостаточности методологических компетенций автора. Однако проведение онлайн-анкетирования среди студентов англоязычной магистерской программы по международным отношениям вкупе с некоторыми данными из исследования об удовлетворённости иностранных студентов качеством образования, проведённого службой проректора по международным отношениям (СПМО) в 2017 г., позволяют делать сдержанно оптимистичные выводы.

Так, по результатам проведённого анкетирования среди иностранных магистрантов-международников все студенты отметили значительную роль изучения международных отношений в ДВФУ в улучшении их понимания российской внешней политики и страны в целом. Согласно исследованию, проведённому СПМО, абсолютное большинство иностранцев позитивно оценивают уровень образования в университете, считают образование престижным, соответствующим цене и демонстрируют даже более высокий уровень лояльности вузу (могут дать положительную рекомендацию университету), чем русские студенты. Наиболее позитивно университет оценивают студенты из Африки (5 по пятибалльной шкале) и студенты из Узбекистана, Китая, Колумбии и Индии (в среднем 4,3 по пятибалльной шкале). Наименьшую оценку склонны давать студенты из Республики Корея (3 по пятибалльной шкале).

Тем не менее несмотря на преимущественно положительное отношение зарубежных студентов к ДВФУ, иностранцы также отмечают ряд негативных вещей, значительно сокращающих их довольство вузом. Так, одной из главных проблем, по мнению зарубежных студентов, являются случаи не вполне дружелюбного отношения университетского персонала к иностранцам. Эту проблему усугубляет

низкий уровень владения иностранными языками у административно-обслуживающего персонала. Помимо этого, студенты недостаточно удовлетворены методом обучения из-за чрезмерной концентрации на теоретической части и почти полном отсутствии практической составляющей. Также отмечается недовольство студентов из-за рубежа недостатком возможностей по углублённому изучению русского языка и культуры, что, в свою очередь, сокращает и без того скромный ресурс для публичной дипломатии.

Заключение

Несмотря на очевидную активизацию России на поприще публичной дипломатии, нельзя сказать, что она сложилась в полноценный инструмент российской внешней политики. «Мягкая сила» как концепция «российского бренда» чётко не сформулирована и понимается скорее как набор инструментов, а не идей, которые можно было бы предложить зарубежной аудитории, а публичная дипломатия в последней редакции Концепции внешней политики не упоминается вовсе. Вместо этого, основные её элементы отождествляются с общественной дипломатией – нерегулярным и бессистемным диалогом с аудиторией без политических целей, а информационно-разъяснительная работа выделена в качестве отдельного направления деятельности.

На примере анализа деятельности ДВФУ, было установлено, что общесистемные недостатки публичной дипломатии РФ проецируются и на использование в политических целях образовательных обменов, которые традиционно рассматриваются как одно из основных измерений и средств публичной дипломатии. Международная деятельность в области образования лишь недавно стала опосредовано курироваться МИД России, однако фактически такие программы получают недостаточно внимания со стороны внешнеполитического ведомства, и в «неведомственных вузах» разработка МОП отдана на откуп внутренним институтам.

Очевидно, на данный момент образовательные инициативы используются скорее из коммерческих и престижных соображений, нежели политических. Большинство зарубежных студентов, приезжающих в РФ с целью получения высшего образования, зачастую не проходят серьёзной процедуры отбора для выявления их лидерского потенциала. К тому же в силу того, что утилитарная выгода от изучения России и русского языка сравнительно мала, гуманитарные специальности остаются малопривлекательными для зарубежных студентов, и подавляющая их часть приезжает для изучения фундаментальных наук типа математики, физики или медицины, что также снижает возможность для политического влияния.

Исходя из целей, которые ставит перед собой Правительство РФ в реализации приоритетных инициатив в области популяризации общественного высшего образования на международном уровне, можно увидеть, что российское руководство, очевидно, осознает низкую конкурентоспособность и привлекательность образовательной модели РФ в сравнении с мировыми лидерами в этой области. Главной задачей на данный момент видится становление и вывод образовательного бренда на уровень мировых стандартов, что в том числе должно способствовать повышению политической эффективности

образовательных обменов как инструмента публичной дипломатии Российской Федерации.

Литература

1. Бурлинова Н. В. Курс общественно-го дипломата. Учеб.-метод. материалы № 4 (2017). – М.: НП РСМД, 2017. 76 с.
2. Дальневосточный федеральный университет [Электронный документ] // Study in Russia, Сайт Министерства высшего образования и науки Российской Федерации. URL: <https://studyinrussia.ru/study-in-russia/universities/fefu/programs/> (Дата обращения: 15.04.2019).
3. Долинский А. В. Образовательные обмены в публичной дипломатии: российский и зарубежный опыт // Вестник МГИМО (У). 2014. № 2 (35). С. 62–67.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г.) (утратила силу) [Электронный документ] // МИД России [сайт]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/asset_publisher/CptICk6B6BZ29/content/id/122186 (дата обращения 07.02.2019).
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный документ] // МИД России [сайт]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения 07.02.2019).
6. Кубышкин А. И., Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2013. 271 с.
7. Лебедева М. М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал мягкой силы России // Вестник МГИМО (У). 2009. № 6(9). С. 203–215.
8. Международная академическая мобильность [Электронный документ]. // Министерство высшего образования и науки РФ [сайт]. URL: <https://минобрнауки.рф/проекты/академическая-мобильность> (дата обращения 07.02.2019).
9. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества (2010) [Электронный документ]. // МИД России [сайт]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/asset_publisher/CptICk6B6BZ29/content/id/224550ë (дата обращения 07.02.2019).
10. Программа развития ДВФУ [Электронный документ]. // Министерство образования и науки РФ [сайт]. URL: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/e45/ПР%20ДВФУ%202%20этап%20Распоряжение%20141-p.pdf> (дата обращения 15.04.2019).
11. Путин В. Россия и меняющийся мир (2012) [Электронный документ] // Московские новости [сайт]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения 07.02.2019).
12. Российские университеты в мировых рейтингах [Электронный документ] // Study in Russia, Сайт Министерства высшего образования и науки Российской Федерации. URL: <https://studyinrussia.ru/why-russia/world-university-rankings/qs/> (дата обращения: 10.04.2019).
13. Россия включается в конкуренцию за иностранных студентов [Электронный документ] // Интерфакс. Образование [сайт]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/events/articles/2145/> (дата обращения 29.04.2019).
14. Сколько иностранных студентов в России [Электронный ресурс] // Study in Russia, Сайт Министерства высшего образования и науки Российской Федерации. URL: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/skolko-inostrannykh-studentov-v-rossii/> (дата обращения: 10.04.2019).
15. Торкунов А. В. Высшее образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО (У). 2012. № 4. С. 87–92.
16. Фоминых А. Е. «Мягкая мощь» обменных программ // Международные процессы. 2008. № 4 (6). С. 76–85.
17. Countries hosting the most of foreign students [Электронный документ] // Study International [сайт]. URL: <https://www.studyinternational.com/news/country-home-largest-international-student-population/>

(дата обращения 12.04.2019).

18. De Lima A. Jr. The role of international exchanges in public diplomacy // Place Branding and Public Diplomacy. 2007. № 3. P. 234–251.

19. How to apply for English masters [Электронный документ] // FEFU. Master Studies [сайт]. URL: <https://www.dvfu.ru/en/admission/master-studies/master-s-degree-programs-in-english/how-to-apply-in-en-masters.php> (дата обращения: 05.02.2019).

20. Melissen. J. The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations. – Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2007. 240 p.

21. Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace – NY.: Alfred A. Knopf Inc. 1948. 516 p.

22. Nye J. Soft Power: The Means to Success In World Politics. – NY: Public Affairs. 2004. 191 p.

23. Russia in the Asia-Pacific: Economics, Politics, Security [Электронный ресурс] // FEFU. Master's degree programs in English [сайт]. URL: <https://www.dvfu.ru/en/admission/master-studies/master-s-degree-programs-in-english/Russia%20in%20APR.pdf> (дата обращения 15.04.2019).

24. Russian Business and Investment Law Security [Электронный ресурс] // FEFU. Master's degree programs in English [сайт]. URL: <https://www.dvfu.ru/en/admission/master-studies/master-s-degree-programs-in-english/Russian%20business%20and%20investment%20law.pdf> (дата обращения 15.04.2019).

Yaroslav N. SHEVCHENKO

Graduate of International Relations bachelor degree program, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
E-mail: yarik.27@mail.ru

The Role of Educational Exchanges in Russian Public Diplomacy

UDC 327

doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/67-79](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/67-79)

In this article, the author examines the role of educational exchanges in Russian public diplomacy, which, according to his view, may become an effective means to gain superiority in soft power. An assessment of Russia's educational brand has been undertaken. Based on a case study of Far Eastern Federal University's experience of hosting foreign students an attempt is made to evaluate whether educational exchanges are efficient in casting Russia in favorable light. The overall argument is that international educational exchanges in Russia are implemented mostly for gaining commercial and image benefit than reaping political dividends. The first section of the paper aims to develop a conceptual framework of the subject matter and gives a brief overview of Russia's public diplomacy. The second section analyses the role of international educational exchanges in public diplomacy and discusses Russia's record of using them in this context. Finally, the last section consists of a case study of Far Eastern Federal University as a public diplomacy actor.

*public diplomacy,
soft power,
Russian Foreign Policy,
educational exchanges,
Far Eastern Federal
University*

For citation: Shevchenko Yu. N. The role of educational exchanges in Russian public diplomacy // Oriental Institute Journal. 2019. № 2. P. 67–79. doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/67-79](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2019-2/67-79)

References

1. Burlinova N. V. Kurs obshchestvennogo diplomata. Ucheb.-metod. materialy № 4 (2017). – M.: NP RSMU, 2017. 76 s.
2. Dal'nevostochnyj federal'nyj universitet [EHlektronnyj dokument] // Study in Russia, Sajt Ministerstva vysshego obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federatsii. URL: <https://studyinrussia.ru/study-in-russia/universities/fevu/programs/> (Data obrashheniya: 15.04.2019).
3. Dolinskij A. V. Obrazovatel'nye obmeny v publichnoj diplomatii: rossijskij i zarubezhnyj opyt // Vestnik MGIMO (U). 2014. № 2 (35). S. 62–67.
4. Kontseptsiya vneshnej politiki Rossijskoj Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federatsii V. V. Putiny 12 fevralya 2013 g.) (utratila silu) [EHlektronnyj dokument] // MID Rossii [sajt]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/asset_publisher/CptICk6B6BZ29/content/id/122186 (data obrashheniya 07.02.2019).
5. Kontseptsiya vneshnej politiki Rossijskoj Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federatsii V. V. Putiny 30 noyabrya 2016 g.) [EHlektronnyj dokument] // MID Rossii [sajt]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (data obrashheniya 07.02.2019).
6. Kubyshkin A. I., TSvetkova N. A. Publichnaya diplomatiya SSHA: Uchebnoe posobie dlya vuzov. – M.: Aspekt Press, 2013. 271 s.
7. Lebedeva M. M., For ZH. Vysshee obrazovanie kak potentsial myagkoj sily Rossii // Vestnik MGIMO (U). 2009. № 6(9). S. 203–215.
8. Mezhdunarodnaya akademicheskaya mobil'nost' [EHlektronnyj dokument]. // Ministerstvo vysshego obrazovaniya i nauki RF [sajt]. URL: <https://minobrnauki.rf/proekty/akademicheskaya-mobil'nost'> (data obrashheniya 07.02.2019).
9. Osnovnye napravleniya politiki Rossijskoj Federatsii v sfere mezhdunarodnogo kul'turno-gumanitarnogo sotrudnichestva (2010) [EHlektronnyj dokument]. // MID Rossii [sajt]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/asset_publisher/CptICk6B6BZ29/content/id/224550yo (data obrashheniya 07.02.2019).
10. Programma razvitiya DVFU [EHlektronnyj dokument]. // Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF [sajt]. URL: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/e45/PR%20DVFU%202%20ehtap%20Rasporyazhenie%20141-r.pdf> (data obrashheniya 15.04.2019).
11. Putin V. Rossiya i menyayushhijsya mir (2012) [EHlektronnyj dokument] // Moskovskie novosti [sajt]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (data obrashheniya 07.02.2019).
12. Rossijskie universitety v mirovykh rejtingakh [EHlektronnyj dokument] // Study in Russia, Sajt Ministerstva vysshego obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federatsii. URL: <https://studyinrussia.ru/why-russia/world-university-rankings/qs/https://studyinrussia.ru/why-russia/world-university-rankings/qs/> (data obrashheniya: 10.04.2019).
13. Rossiya vključaetsya v konkurenciyu za inostrannykh studentov [EHlektronnyj dokument] // Interfaks. Obrazovanie [sajt]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/events/articles/2145/> (data obrashheniya 29.04.2019).
14. Skol'ko inostrannykh studentov v Rossii [EHlektronnyj resurs] // Study in Russia, Sajt Ministerstva vysshego obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federatsii. URL: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/skolko-inostrannykh-studentov-v-rossii/> (data obrashheniya: 10.04.2019).
15. Torkunov A. V. Vysshee obrazovanie kak instrument «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii // Vestnik MGIMO (U). 2012. № 4. S. 87–92.
16. Fominykh A. E. «Myagkaya moshh» obmennykh programm // Mezhdunarodnye protsessy. 2008. № 4 (6). S. 76–85.
17. Countries hosting the most of foreign students [EHlektronnyj dokument] // Study International [sajt]. URL: <https://www.studyinternational.com/news/country-home-largest-international-student-population/> (data obrashheniya 12.04.2019).
18. De Lima A. Jr. The role of international

exchanges in public diplomacy // Place Branding and Public Diplomacy. 2007. № 3. P. 234–251.

19. How to apply for English masters [EHlektronnyj dokument] // FEFU. Master Studies [sajt]. URL: <https://www.dvfu.ru/en/admission/master-studies/master-s-degree-programs-in-english/how-to-apply-in-en-masters.php> (data obrashheniya: 05.02.2019).

20. Melissen. J. The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations. – Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2007. 240 p.

21. Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace – NY.: Alfred A. Knopf Inc. 1948. 516 p.

22. Nye J. Soft Power: The Means to

Success In World Politics. – NY: Public Affairs. 2004. 191 p.

23. Russia in the Asia-Pacific: Economics, Politics, Security [EHlektronnyj resurs] // FEFU. Master's degree programs in English [sajt]. URL: <https://www.dvfu.ru/en/admission/master-studies/master-s-degree-programs-in-english/Russia%20in%20APR.pdf> (data obrashheniya 15.04.2019).

24. Russian Business and Investment Law Security [EHlektronnyj resurs] // FEFU. Master's degree programs in English [sajt]. URL: <https://www.dvfu.ru/en/admission/master-studies/master-s-degree-programs-in-english/Russian%20business%20and%20investment%20law.pdf> (data obrashheniya 15.04.2019).